

Ст. Гжибовский, М. Глушковский (Торунь, Польша). Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур. [W:] Л. Л. Касаткин (ред). Русские старообрядцы: Язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов. Москва: Языки славянских культур, 2008. с.200–214.

История общины

Старообрядцы на территории современной Польши появились в конце XVIII в. С ними связаны два региона более или менее компактного их проживания вплоть до середины XX в. Это сувальско-августовский и мазурский регионы, отдалённые друг от друга примерно на 130-150 км и имеющие разные судьбы, поскольку в течение этого времени они находились на территории разных государств – сувальско-августовский регион был частью Российской империи, а после 1918 г. вошёл в состав II Речи Посполитой, мазурский же находился на территории Прусского государства, а потом Германии. Их можно рассматривать как относительно независимые центры, хотя старообрядцы мазурского региона являются отчасти выходцами из сувальско-августовского.

Исследования группы русистов Университета им. Николая Коперника в Торунь, предварительные результаты которых составляют основу настоящей работы, касаются старообрядцев сувальско-августовского региона. Исследования ведутся прежде всего в двух деревнях единственного в настоящее время в Польше компактного их проживания – Габове Гронды (Godowe Grądy) и Бур (Bór).

Эти деревни находятся в 11 км к югу от города Августов. История общины восходит к периоду после Январского восстания 1863 г., когда старообрядцы-беспоповцы переселились сюда из окрестностей Варшавы (Гура Кальвария) и основали две расположенные рядом деревни. Таким образом, эти деревни возникли в результате второй волны миграции старообрядцев на территорию современной Польши. Их жители установили связь с другими старообрядческими поселениями этого региона, расположенными на относительно небольшом расстоянии (до 50-60 км), построили моленну. В течение полутора веков, особенно в XX в. подвергались различным испытаниям, которые несла им история этого региона.

Время Первой мировой войны для большинства старообрядцев из сувальско-августовского района было связано с эвакуацией в Россию, в окрестности Саратова. Те, кто вернулся, восстановили свои разрушенные местности [Iwaniec 1977: 102-103]. В

тридцатые годы духовники из Риги предпринимали попытки обращать в единоверие староверов августовского района, но в основном безрезультатно. Вторая мировая война оказала решающее влияние на судьбы старообрядцев сувальско-августовского региона и жителей Габовых Грондов и Бура. Деревни Габова Гронды и Бур с 1939 г. находились на территории, занятой Советским Союзом, и в 1941 г. оказались оккупированными немцами. В 1943 году их жители были вывезены на принудительные работы в Германию, а деревни были разрушены. Жители частично вернулись на свои подворья в 1945 г. и были вынуждены начинать с нуля, но восстановили обе деревни, которые со временем стали единственными в Польше местностями, почти полностью заселёнными старообрядцами. Территория же между городами Сувалки и Сейны была в 1939 г. оккупирована немцами, и по договору между СССР и Германией об обмене населения русскоязычные жители этого района, т. е. старообрядцы, в первой половине 1941 г. подверглись массовому переселению на территорию СССР, в основном в Литву. Большинство старообрядцев не вернулось в свои деревни, так что северная часть интересующего нас региона – её можно определить как сувальско-сейненский район – после 1945 г. перестала быть местом компактного проживания старообрядцев.

Таким образом, можно говорить о возникновении после войны особого августовского района старообрядцев, имеющего отличную судьбу от остальных поселений этого региона. В этом районе после войны старообрядцы жили также в деревнях Близна и Щебра, и в результате миграционных процессов между деревней и городом всё большее число старообрядцев переселялось в город Августов.

Описанные исторические события в сочетании с постоянно меняющимися геополитическими, социальными, экономическими и цивилизационными условиями, влияли на языковую ситуацию жителей Габовых Грондов и Бура. Происходящие из северо-западных территорий России, старообрядцы августовского района долгое время сохраняли свой исходный псковский говор в почти неизменной форме [Grek-Pabisowa 1999: 125-27]. Кроме языка, они бережно сохраняли свои религиозные обряды, из-за которых в прошлом были вынуждены покинуть родные места, а также сохраняли некоторые традиции и обычаи в разных сферах жизни. Эволюции языкового поведения сопутствовали изменения и в других сферах жизнедеятельности.

Миграция старообрядческого населения с самого начала была связана с преследованиями, которым они подвергались в России. Староверы скрывались в недоступных царским властям частях Российской Империи (например в Сибири) или бежали за ее рубежи. Поэтому они и появились на смежных с Россией территориях,

входящих в состав Речи Посполитой. В XVII и в начале XVIII в., т. е. до первых разделов Польши, одним из важнейших старообрядческих центров была Ветка, в настоящее время находящаяся на территории Беларуси. Она являлась главным центром польских поповцев до шестидесятых годов XVIII столетия, когда потерпела окончательное поражение со стороны царских войск [Iwaniec 1977: 57]. После первого раздела Речи Посполитой старообрядцы появились также на территории современной Литвы и в окрестностях г. Сувалки, стремясь бежать с территорий, занятых российскими войсками [Ibid.: 70]. После третьего раздела Польши в 1795 г. деревни старообрядцев в сувальско-августовском регионе были некоторое время в пределах Пруссии, но после Венского конгресса 1815 г. оказались включёнными в состав Польского королевства, которое было частью Российской империи. С 1918 г. этот регион оказался в пределах II Речи Посполитой, а с 1945 г. Польской Республики в её современных границах. Он занимает самый крайний северо-восточный угол Польши, граничащий с Литвой, расположенный по треугольнику: Сувалки – Сейны – Августов.

Самосознание и факторы, образующие социолингвистическую ситуацию

Кроме истории общины, важными элементами ее социолингвистической ситуации, являются традиции, сознание группового отличия от окружающего мира и укрепление внутригрупповых ценностей [Вайнрайх 2000: 148; Straczuk 1999: 38-46]. В центре группового самосознания старообрядцев находилось их постоянное и безупречное вероисповедание, в то время как значение других факторов постепенно уменьшалось. У всех жителей Габовых Грондов и Бура наличествует сознание своего отличия от окружения (ср. определения: *в нас и в католиках*), даже если не все охотно этот факт подчёркивают. Под влиянием инородного культурного окружения и цивилизационных изменений привезенные из России обычаи и традиции, однако, со временем стали исчезать. Старообрядцы-беспоповцы не пили алкоголя, не курили и соблюдали многочисленные посты, во время которых отказывались не только от мясных продуктов, но и от яичных и молочных. Первые нарушения запрета употребления спиртных напитков были отмечены уже в XVIII в. [Grek-Pabisowa 1999: 296]. Изменения в традиционной культуре и образе жизни староверов появлялись постепенно. Большинство изменений относится ко второй половине XX столетия. Сначала старообрядцы стали крестить детей из смешанных браков и фотографироваться; отмечены также случаи менее внимательного отношения к

религиозным книгам [Ibid.: 291-293]. Запрет курения стал ослабевать – в Габовых Грондах и Буре только женщины его соблюдают. Мужчины в большинстве курят, но стараются не курить в помещениях, а также в присутствии пожилых женщин, чтобы их не оскорблять. Отношение к алкоголю хорошо выражено в следующих высказываниях: «пить можно, но нельзя напиваться»; «пить надо в меру, чтобы не потерять сознания». Все менее ревностное соблюдение традиций в старообрядческих деревнях отмечается и в наших исследованиях, которые, начиная с 1999 г., проводятся регулярно во время ежегодных научных экспедиций. Из интервью со многими жителями Габовых Грондов и Бура, а также по непосредственным наблюдениям во время экспедиции в марте (время Великого Поста) 2007 года вытекает, что в настоящее время даже важнейшие посты соблюдаются лишь единичными представителями старшего поколения.

Строгие запреты и обычаи, эндогамия, а также вероисповедание, отличающее старообрядцев от соседей, способствуют поддержке изоляции общины. Изолированные группы в инородном окружении могут сохранить свое отличие даже в течение нескольких веков¹. Это возможно также и в случае польских старообрядцев, хотя бы в силу их приверженности своей вере, исповедуемой на языке, отличном от языка польского окружения.

Особый интерес представляет социолингвистическая ситуация польских старообрядцев с точки зрения языковой экологии. Понятие «экологии языка»², которое впервые появилось в начале семидесятых годов XX в. в работах Э. Хаугена, разрабатывалось многими авторами, например, У. Вайнрайхом, Д. Хаймсом, В. Стьюартом и др. [Misiak 2006: 18-19]. Используя типологические разработки М. Мисьяк, учитывающие политологический, социологический и этнологический аспекты в описании языковой ситуации любой этнической группы, можно создать эколингвистическую матрицу диалекта старообрядцев. Итак, говор старообрядцев в этом регионе является языком меньшинства, являющегося сравнительно мелкой общиной (число носителей – около 1 тыс.), он не используется в системе школьного

¹ Примером могут быть сефардийские евреи в Сараеве, которые поселились там в XV в. после бегства из Испании, и ещё в XX в., кроме боснийского языка и иврита, используемого в религиозных целях, владели также архаическим вариантом испанского [Naim 2004: 65; 67]. Исследования общины евреев в Боснии показывают, что самой главной причиной сохранения языка страны их происхождения была не привязанность к Испании, а изоляция группы и низкий уровень образования его членов [Ibid.: 68]. Совсем иные культурные и социополитические условия не позволяют переносить эти выводы непосредственно на исследования социолингвистической ситуации польских старообрядцев, но значение изоляции для сохранения языка меньшинства является общим для подобных диаспор.

² Попытка описания языка вместе с его средой, т. е. социальными, политическими, историческими, экономическими и демографическими условиями его образования. По мнению З. Вонсика, языковая экология принадлежит к «внешнему» языкознанию Ф. де Соссюра [Misiak 2006, 20].

обучения ни как язык преподавания, ни как иностранный³. Доступ к культурным и общественным ценностям требует владения языком большинства – польским. В диалекте старообрядцев нет ни научной терминологии, ни письменного варианта языка. Из-за постоянных изменений и развивающейся вариантности нельзя установить стандарты говора. Он используется в основном в повседневной, соседской и семейной сферах, и только в рамках общины, не выходя за её пределы. Со стороны государства наблюдается толерантное отношение к говору и его носителям (ср. один из критериев, используемых М. Мисьяк для определения эколингвистической ситуации языка меньшинства [Ibid.: 109-110]). Но он имеет всего лишь статус локального говора, и это во многом определяет его позицию, возможности сохранения и перспективы развития⁴.

Двуязычие

Важнейшей особенностью языковой ситуации исследуемой группы является её двуязычие. Старообрядческое население сувальско-августовского района в начале своей истории находилось в близком соседстве с русским этносом и в административных пределах России (с 1815 по 1918 гг.), таким образом, оно не было отрезано от русского языкового материка. Языком администрации, школы, судопроизводства, армии был русский. Польский язык был ей нужен только для общения с польским населением соседних местностей. Поэтому община деревень Габове Гронды и Бур, по-видимому, не сразу стала полностью двуязычной. С самого начала ее существования, т. е. с середины XIX в. и примерно до двадцатых годов XX в. в её развитии, по всей вероятности, наблюдалась фаза изоляции, характеризующаяся преобладанием собственного языка (говора) и собственной культуры, ограниченными контактами с внешним обществом и относительно высокой оценкой внутренних ценностей. Возможно также, что не все старообрядцы, особенно женщины, были билингвами.

С 1920-х гг., т. е. после возникновения II Речи Посполитой эта фаза постепенно переходит в фазу равновесия, когда наблюдается учащение контактов с внешним миром и стремление к открытию общины внешнему миру, т. е. польским соседям, но постоянно существуют факторы, объединяющие группу, и вдобавок к этому до II-ой

³ Русский литературный язык, преподающийся в польских школах как иностранный, из-за сильного польского влияния на их говор является также для старообрядцев в значительной степени иностранным.

⁴ Исследования Б. Яняк над говорами польско-украинского пограничья показали, что в таких условиях может произойти исчезновение говора, [Janiak 2004: 121-122].

Мировой войны община входит в состав широкой полосы старообрядческих поселений, тянувшихся от восточных окраин II Речи Посполитой до Сувалок и Августова. С этими поселениями она поддерживает тесную связь. Сувальско-августовский регион со многими местностями, полностью заселёнными старообрядцами или с преобладанием старообрядцев, был в Польше самой западной точкой их миграции. В Вильнюсе, с 1923 года подчинённом польскому государству, находился центр обучения беспоповцев умению вести богослужение на церковно-славянском языке. Но в это время уже теряется связь с общерусским языком, так как языком школы, учреждений, большинства контактов с внешним миром является польский, в семье же и в деревне, равно как и в контактах со многими единоверцами из других деревень, основным средством общения является говор.

После 1945 г. говор старообрядцев этих деревень становится полностью островным. Они теряют связь также со своими единоверцами этого региона, которые были переселены на территорию СССР. В этом регионе их остается совсем немного – сначала ок. 2000, а в настоящее время ок. тысячи. Тем не менее фаза равновесия ещё долгое время удерживается в силу свойственной старообрядцам тенденции к изоляции и в силу сохранения ими на первых порах своих специфических видов занятий (земледелие, лесные промыслы). Однако постепенно в результате воздействия внешних и внутренних цивилизационных факторов (таких как повсеместное обучение в польских школах, рост роли СМИ, работа в городе, значительное сокращение численности старообрядцев в Польше и т. п.) община выходит из изоляции, вступая в фазу открытости на рубеже шестидесятых и семидесятых годов XX в. Многие исследователи диалектов и билингвизма, например, Л. И. Баранникова [1977: 84-86], В. Н. Ярцева [1977; 36] и др., обращали внимание на особенное значение «научно-технической революции» и связанные с ней изменения в общественном строе и языке территориальных общин. Сила этих изменений в жизни и языке польских старообрядцев особенно возросла на рубеже XX-XXI вв. и сказывается в состоянии их говора.

Абсолютное большинство жителей Габовых Грондов и Бура – старообрядцы. Все жители исследуемых нами деревень, включая также католиков, вступивших в браки со старообрядцами, знают как русский говор, так и польский язык. Но степень владения обоими языками, по разным причинам, не у всех одинакова. В старшем поколении первичным языком является русский, польскому самые пожилые старообрядцы обучались в контактах с польскими соседями и администрацией. В среднем поколении

трудно чётко определить, какой из языков можно назвать первичным, так как некоторые родители сознательно общались с детьми также по-польски, чтобы облегчить им учёбу в польской школе. В младшем поколении чаще всего первым усваивается польский язык, но и русский говор передается без посредства другого языка [ср. Zielińska 1996: 22-23; Paśko 2004: 381].

У большинства старообрядцев билингвизм связан с диглоссией. В соседских контактах, в разговорах на темы повседневной жизни, религии и обычаев, они говорят на местном говоре, а в официальных ситуациях, на работе или с польскоязычными знакомыми употребляют польский язык. Есть немногие представители старшего поколения, которые прекрасно владеют обоими языками и могут пользоваться ими независимо от темы разговора, что можно назвать билингвизмом без диглоссии, ср. [Smułkowa 2000: 91-96].

Последние десятилетия XX века можно определить как фазу окончательного открытия общины, когда внутренние ценности оказываются не в состоянии противодействовать внешнему миру, и происходит амальгамация меньшинства. Число работающих в собственном хозяйстве сократилось в последнее время почти до нуля. Работая в городе, старообрядцы принимают новую модель жизни, в которой для религии и традиции всё меньше места. Миграция сельского населения, особенно молодых женщин, в город сокращает количество браков и рождаемость. Все эти факторы не способствуют не только развитию, но даже сохранению существующей старообрядческой общины. Самым ярким образом это отражается в смене типа двуязычия, характеризующего эту общину на всём протяжении её пребывания в этом районе Польши, и в смене отношения к собственному говору и польскому языку.

На этом этапе можно констатировать смену двуязычия на состояние, ведущее в молодом поколении к возникновению своеобразного русско-польского гибрида, в котором в рамках русского грамматического каркаса сложным образом переплетаются русские диалектные и польские языковые явления. Влияние польского языка заметно на всех уровнях, прежде всего в фонологии, синтаксисе и лексике. Морфологическая система подвержена влиянию в меньшей степени и она составляет формально-грамматический каркас, который создает рамки для функционирования лексических и идиоматических единиц, выводящихся из другого языка, и позволяет сохранить в возникающем гибриде русский диалектный характер, псковский по происхождению.

В консонантной системе произошла смена мягкостной корреляции на локальную и модальную, т. е. русские мягкие согласные [t'], [d'], [s'], [z'] заменены польскими

среднеязычными [ć], [ź], [ś], [ż], зубной [ɫ] замещён глайдом [w]. На орфофоническом уровне преобладают и усиливаются со сменой поколений польские звуковые эталоны как в консонантизме, так и вокализме. Сохраняется лишь русская акцентуационная система в исконно русской лексике и отчасти заимствованной из польского и русский безударный вокализм (сильное яканье с элементами умеренного и диссимилиятивно-ассимилятивного). Таким образом, сама фонологическая система является уже отчасти гибридным образованием.

Социолекты

Чтобы говорить о социолекте любой группы, прежде всего следует определить факторы, объединяющие обсуждаемую нами общину [Wilkoń 1987: 94]. Самой главной чертой, отличающей старообрядцев от их польских соседей, является вероисповедование и связанные с ним традиции, обычаи и осознание своей самобытности, отличающей её от окружения, а также общее место проживания и включённость в те же самые соседские круги. Эти предпосылки касаются всех жителей Габовых Грондов и Бура, но есть также черты, отличающие младшее поколение от старшего. Кроме очевидного показателя – возраста, различия проявляются в менее ревностном отношении к традиции, религии и старообрядческой культуре. Причины этих различий мотивированы социальными условиями, в которых происходило усвоение языков обоими поколениями.

Языковая социализация старших жителей деревень Габове Гронды и Бур происходила в относительно изолированной сельской среде – все работали в собственных хозяйствах. Знаменательным рубежом, который провёл черту в языковом поведении отдельных поколений, стала Вторая мировая война. У людей, рожденных до ее начала, общий уровень владения говором выше, чем у более молодых соседей и родственников. Это особенно заметно в фонетическом оформлении речи, относительно близком к исходной псковской форме, но их речь богаче также в лексическом и фразеологическом отношении. Хотя военное время и не привело к резкой смене экономической и социальной структуры обсуждаемых нами деревень, но в послевоенный период значительно изменилась степень открытия общины из-за развития всеобщего образования, а также увеличивающейся роли СМИ. Кроме того, причиной различий в языковом поведении старообрядцев, рожденных до войны и после неё, может быть также языковая ситуация родителей и других старших родственников.

По неполным в этот момент данным можно судить, что многие старообрядцы, которые родились на рубеже XIX-XX вв., не были двуязычными и владели только русским говором, ибо из-за изоляции общины они не нуждались в усвоении польского языка. Например, 70-летняя женщина признает, что с родителями она общалась только на местном говоре, а ее мать не знала никакого другого языка⁵.

Не только в первой половине XX века, но до конца 70-х – начала 80-х гг., старообрядцы первым усваивали свой русский говор, с польским языком знакомясь только в момент начала школьного обучения. Для них русский диалект является первичным, а польский язык – вторичным кодом. В младшем же поколении, которое появилось на свет в восьмидесятые годы XX в. и позже, по Л. Завадовскому⁶ обоим языкам – русскому говору и польскому языку – можно приписывать одинаковый статус первичных.

Распределение возрастных групп в деревнях Габове Гронды и Бур приводит к следующему выделению поколений: старшее, рождённое до 1945 г., среднее, родившееся с 1946 до 1970 г., и младшее, появившееся на свет после 1971 г. Социолект старшего поколения из-за вышеупомянутых социальных факторов, влияющих на облик языковой социализации, является однородным. Идиолектные различия у отдельных пожилых старообрядцев – незначительны. Вместе с ростом влияния индустриализации, урбанизации и других цивилизационных процессов на сельское население, появляется всё больше различий в языковом поведении наших информантов. Эти изменения вызваны внешними факторами, которые У. Вайнрайх определяет как «неструктурные» [Вайнрайх 2000: 105], и к которым относятся как социальные, так и психические факторы. Индивидуальные различия, такие как общие языковые способности, уровень интеллигенции или даже разговорчивость и молчаливость, естественно, влияют на формирование отдельных идиолектов и выступают во всех поколениях, но различия в рамках одного поколения являются менее яркими по сравнению с иными возрастными группами. Решающую роль следует приписать социальным факторам, таким как место работы, образование, отношение к старообрядческому говору, к религии и традиции в социальных кругах, близких данному индивиду. Значительную роль играет также

⁵ Первые попытки выяснить этот вопрос проводились во время экспедиции в марте 2007 г., опрос, охватывающий всех пожилых жителей Габовых Грондов и Бура, предстоит ещё сделать. По всей видимости это будет иметь место во время экспедиции осенью 2007 г., а настоящий текст был готов к печати в июне 2007 г.

⁶ Первичным языком является язык, употребляемый в разговорах на темы повседневной жизни, сферой функционирования которого является семейная жизнь, и который передают детям, не прибегая к другому языку; цит. по [Zielińska 1996: 22-23].

фактор единства вероисповедания членов семьи. В старшем поколении эти условия сходны у всех его представителей. Несмотря на то, что даже самые пожилые жители Габовых Грондов и Бура постоянно сталкивались с польским языком в рамках образовательной системы и в контактах с администрацией и польскими соседями, этот факт не привел ни к полному, ни к частичному вытеснению из их языковых ресурсов русского говора. Как замечает Л. И. Баранникова [1977: 87], если контакт с литературным, официальным языком имеет место только в школе, то после ее окончания, когда не хватает постоянного контакта с языком большинства, выступает регресс и возвращение к диалекту. Поэтому старообрядцы – выпускники довоенных начальных школ, послевоенных основных и профессиональных школ, работающие в собственном хозяйстве среди своих единоверцев, не отказались от своего традиционного русского говора в пользу польского языка.

Жизненные пути младших старообрядцев стали намного разнообразнее, в основном из-за того, что они получали образование выше основного чаще всего вне общины, а также в связи с трудоустройством в городе и с изменением социально-экономической структуры их деревень. Сельское окружение, даже если в данной деревне живут одноязычные представители доминирующей нации, способствует сохранению языка меньшинства, в то время как у двуязычных, пребывающих в городе, доминирующий язык быстрее становится единственным; см. [Miodunka 2003: 113]. Место жительства, а также профессия родителей влияют на языковое поведение детей не только в масштабе данной семьи, но и в пределах всей местности, как в своеобразном единстве. А. Табуре-Келлер доказывает, что «численность детского населения, широко использующего диалект, зависит от удельного веса чисто сельскохозяйственных профессий в [данном] населенном пункте» [Табуре-Келлер 1972: 176]. Вышеупомянутые тенденции наблюдаются также в молодом поколении жителей Габовых Грондов и Бура. Старообрядцы, переселившиеся в города, намного быстрее забывают русский диалект, который теряет свой престиж, и, как правило, не передают его своим детям. В обоих деревнях в настоящее время никто из молодых людей не занимается собственным хозяйством, остались только безработные и учащиеся. Социально-экономическая революция, начавшаяся в 90-х гг. XX в. (по сравнению с 80-ми гг.) сказывается в снижении общего уровня владения родным говором у всех членов младшего поколения.

Важную роль в формировании языкового поведения играет школа, а именно, школьные товарищи и учителя. Ф. Знанецки полагает, что «каждый ученик обогащает

школьную жизнь традициями и интересами, сформировавшимися в нём под влиянием семьи и соседского окружения, <...> группа школьников является эпицентром, в котором сталкиваются все семейные и соседские влияния» [Znaniński 2001: 107]. Старшие представители исследуемой нами группы учились в основной или начальной школе в Габовых Грондах, учёбу же в других местностях начинали как относительно зрелые люди. Самые молодые информанты, рождённые после 1991 г., из-за ликвидации основной школы в Габовых Грондах и необходимости начинать школьное обучение в соседней, но польской деревне Бялобжеги сразу же попадают в чужую среду. Ученики-старообрядцы во время перерывов разговаривают друг с другом по-польски, погруженные в польскоязычную среду, полностью подчиняются её влиянию.

Однако, несмотря на неблагоприятные общие социальные условия, формирующие языковое поведение, в молодом поколении старообрядцев есть индивиды, которые в большей или меньшей степени сохраняют и берегут традиционный диалект. В идиолектах многих информантов сталкиваются друг с другом факторы, способствующие и препятствующие сохранению говора. Например, 33-летний мужчина воспитывался в старообрядческой семье, его товарищи детских лет и соседи говорили на русском диалекте, школьную учёбу он начинал в Габовых Грондах, но он много лет уже работает в городе и равнодушно относится и к старообрядческой традиции, и к языку. С другой стороны, 23-летняя женщина училась в городе, пребывая в группах, состоящих из одних только католиков, но она хорошо владеет своим родным диалектом из-за сильной приверженности семейным традициям.

В некоторых случаях в молодом поколении можно говорить о пассивном двуязычии, особенно у людей, живущих в городах, но часто посещающих родственников в деревне и понимающих их говор. Признаки диглосии заметны у всех молодых старообрядцев, даже хорошо владеющих диалектом; например, в многочисленных неадаптированных заимствованиях – вставках из польского языка: *ka*k paš¹oł na r¹entu jako dozorca, stróż⁷; b¹at¹ka Dan¹ela j¹es¹t¹a strażakiem⁸; znaczy, ¹on j¹es¹t¹a po terminie⁹ uroz¹onyj, и т. д. По мнению Л. И. Баранниковой, как пассивное, так и активное двуязычие с диглоссией, ускоряют процесс разрушения диалекта литературным, официальным языком [Баранникова 1977: 88]. Вместе со структурными изменениями в лингвистической системе диалекта, которые у польских старообрядцев

⁷ Renta – ‘пенсия’, dozorca, stróż – ‘сторож’.

⁸ Strażak – ‘пожарник’

⁹ Znaczu – ‘значит’, po terminie uroz¹onyj – ‘рождённый после срока’

наблюдаются на всех языковых уровнях, усиливается вариативность говора, которая не могла бы развиваться в «обычных» условиях, т. е. без неструктурного фактора социально-экономической революции (ср. [Там же]).

Неоднородные фонетические и морфонологические реализации одних и тех же слов случаются чаще всего в языке молодого поколения, например: *играть в мяч*, igr'at' v p'iŋku ср. поль. *grać w piłkę*. Больше всего вариантов выступает на уровне лексики, которая считается наименее устойчивым ярусом языка, так как её связи с неязыковой реальностью – самые сильные, и все внутренние изменения отражаются в первую очередь в словарном составе (ср. [Там же]). Большинство вариантов касается наличия и отсутствия признаков адаптации чужой лексемы, например, как вставка выступает поль. *nauczycielka* – ‘учительница’, но появляется и ассимилированный вариант naucyt'elka, склоняющийся по русской парадигме; появляется также вариантность самих адаптаций: lad'ufka и l'ad'ufka; parpap'et и parap'et. Язык старших поколений формировался в более однородных условиях, и поэтому в отдельных идиолектах пожилых староверов вариантность такого типа не отмечается.

Несмотря на большие индивидуальные различия, язык молодого поколения с уверенностью можно считать социолектом, а не всего лишь совокупностью разобщённых идиолектов. Существуют общие лексические ресурсы, которыми располагают младшие старообрядцы, а также типы интерференции, выступающие в сходных проявлениях почти у всех представителей этого поколения. Например, многие представители молодого поколения старообрядцев употребляют в своей речи слова и конструкции, свойственные польским сувальско-сейненским говорам. Под влиянием польских диалектов восточного пограничья, наряду с синтетическим дательным падежом, выступает аналитический, образованный с помощью предлога *dla* и существительного в родительном падеже, напр.: dla st'aršyx l'ud'ej eta może i pas'ujet¹⁰.

Из диалектов соседних польских деревень заимствовались также слова: *musi* (‘пожалуй’, ‘наверное’) и *tak o* (‘вот так’, ‘таким образом’), напр.: *musi paj'ed'et v Am'eriku*; kto d'eŋjut: tak o. Важным заимствованием, наблюдаемым у всех представителей молодого поколения, является глагол *mieć*. *Mieć* в польском языке используется как лексический показатель категории притяжательности и как вспомогательный глагол, напр. *mieć dom*; *mieć ochotę*; *mieć coś do zrobienia*, *mieć osiem*

¹⁰ *Może* – ‘может быть’, *pasujet* – ‘подходит’

lat. В говоре молодых старообрядцев *mieć* выступает в ассимилированной форме, спрягающейся по русской парадигме: *m'et'*, и копирует значение и функции польского первообраза: *m'ajet svaj'o znač'en'je*; *m'ajet dv'en'adcat' god*; *kn'ižečku m'aju czeladnika*¹¹ и т. д.

Все виды интерференции выступают и в языке представителей старшего поколения, которые владеют традиционным говором лучше своих детей. Заимствуются слова, связанные практически с каждой сферой жизни, ср. напр.: *s j'ednym łepkam*¹² *m'us'it spat'*; *a pat'om rab'otał v Z'URT'e*¹³; *v T'urcju pa zak'upy raj'exali*¹⁴ и т. п. высказывания с вкраплениями польских слов и оборотов в речи старшего поколения. Исключение составляет в основном лишь религиозная тематика, о которой старообрядцы рассказывают, употребляя главным образом говорную или церковно-славянскую лексику [Пасько 2002: 98-99].

* * *

Основной чертой изменений социолингвистической ситуации старообрядцев в Польше, особенно на протяжении XX столетия, является сначала постепенное внедрение двуязычности, как следствие выхода общины из изоляции, а потом утрата говором статуса престижного языка вследствие превращения его в островной, и, наконец, потеря им роли единственного первичного языка и переход к двуязычию с диглоссией, что приводит к усиленному воздействию польского языка как более престижного. В среднем и молодом поколениях это находит отражение в процессе гибридизации говора, т. е. такого состояния, когда исходный этнолект даёт лишь структурные рамки для функционирования лексических и фразеологических единиц, почерпнутых из другого, более общеупотребительного в данный момент для данного социума этнолекта. Этому процессу способствуют также демографические и социальные процессы – резкое сокращение численности общины и отход от традиционных видов жизнедеятельности, которые формировали единство общины, и, как следствие – миграция в город.

Таким образом, русский говор старообрядцев, проживающих в настоящее время в Польше, с конца XX в. подвергается сильнейшему влиянию польского языка как более

¹¹ Czeladnik – 'подмастерье'

¹² Jeden łepiek (разг.) – 'кто-то не очень важный', 'парень'

¹³ ZURT – 'мастерская по ремонту радио и телевизоров'

¹⁴ Po zakupy – 'за покупками'

престижного уже в силу того, что у того есть литературная норма. Но это также государственный язык Польши со всеми вытекающими из этого последствиями для всех важнейших видов жизнедеятельности жителей Польши, включая старообрядцев. У польских старообрядцев, однако, есть по крайней мере одна сфера, не подвластная влиянию какого-либо другого языка – это сфера религиозной обрядности, в которой используется церковно-славянский язык. Его, естественно, не следует отождествлять с их говором, но генетически и идиоматически он ближе говору, чем польскому языку, и поэтому он может служить катализатором сохранения также и говора в каком-то, пусть даже гибридном состоянии, а со временем, может быть, и его возрождения, если старообрядцы сохранят приверженность к своей вере и смогут удержать свою сплоченность, численность и способность приспособления к изменяющимся условиям жизни.

Литература

- Баранникова 1977 – *Л. И. Баранникова*. Научно-техническая революция и судьба территориальных диалектов // Белодед, И. К., Дешериев, И. Ю. Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М.: Наука. 1977. С. 84-91.
- Вайнрайх 2000 – *У. Вайнрайх*. Языковые контакты. Благовещенск. БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
- Пасько 2002 – *Д. Пасько*. Влияние польского языка на русский говор старообрядцев дер. Габове Гронды и Бур. Лексические заимствования. Торунь. 2002 (неопубликованная магистерская работа).
- Табуре-Келлер 1972 – *Табуре-Келлер А.* К изучению двуязычия в социологическом плане // Новое в лингвистике. выпуск IV. М.: Прогресс. 1972. С. 170-182.
- Ярцева 1977 – *Ярцева В. Н.* Научно-техническая революция и развитие языка // Белодед И. К., Дешериев И. Ю. Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М.: Наука. 1977. С. 28-36.
- Grek-Pabisowa 1999 – *I. Grek-Pabisowa*. Próba określenia wspólnych cech rozwoju gwar rosyjskich w otoczeniu obcojęzycznym // Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów. Warszawa: Inst. Slawistyki PAN, 1999.
- Haim 2004 – *A. Haim*. Socjolingwistyczny opis języka mówionego sarajewskich Żydów sefardyjskich // Pogranicza. Kontakty kulturowe, literackie, językowe. Red. L. Dacewicz Białystok: UB, 2004. S. 65-75.

- Iwaniec 1977– *E. Iwaniec*. Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII-XX w. Warszawa, PWN. 1977.
- Janiak 2004 – *B. Janiak*. Pogranicze językowe polsko-wschodniosłowiańskie (na podstawie fleksji ukraińskiej i polskiej gwary Niemirowa nad Bugiem). Łódź: UŁ, 2004.
- Misiak 2006 – *M. Misiak*. Łemkowie. W kręgu badań nad mniejszościami etnolingwistycznymi w Europie. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2006.
- Miodunka 2003 – *W. T. Miodunka*. Bilingwizm polsko-portugalski w Brazylii. W stronę lingwistyki humanistycznej. Kraków: UNIVERSITAS, 2003.
- Paśko 2004 – *D. Paśko*. Problem dwujęzyczności polsko-rosyjskiej w odniesieniu do specyficznych form jej występowania (rosyjska gwara staroobrzędowców w Polsce) // Słowianie w Europie. Historia. Kultura. Język. Kraków: UJ, 2004. S. 377-381
- Smułkowa 2000 – *E. Mułkowa*. Dwujęzyczność po białorusku: bilingwizm, dyglosja, czy coś innego?// Smułkowa E., Engelking A. (red.). Język a tożsamość na pograniczu kultur. Białystok: UB, 2000. S. 90-100.
- Straczuk 1999 – *J. Straczuk*. Język a tożsamość człowieka. W warunkach społeczności wielojęzycznej. Pogranicze polsko-białoruskie. Warszawa: wyd. UW, 1999
- Wilkoń 1987 – *A. Wilkoń*. Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny. Katowice: UŚ, 1987.
- Zielińska 1996 – *A. Zielińska*. Wielojęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Warszawa: SOW PAN, 1996.
- Znaniński 2001 – *Znaniński F.* Socjologia wychowania. Tom I i II, Warszawa: PWN, 2001.